

Иван Иванович

У богатого мужика была дочь, он ее ни за кого не выдавал, а недалёко жил сапожник Иван Иванович, шил да песни пел, шил да песни пел. Сошил попу сапоги, а поп за работу дал ему все копейками. Ну, ладно, вот Иван Иваныч посылат к богатому мужику просить четверика смерить деньги. Богатой мужик усомнился: «Ужоли у его столько денег, что он пересчитать не можот? Недаром порато он весел».

Послал послушать работника. Иван Иванович положил поповские деньги в четверик, потом на пол, так взад-вперед и грохотит, только звон стоит, как деньги брякают. Копейку в щель запихал и четверик отнёс. На другой день опять пришел, просит:

— Сегодня серебро перемерять.

Гривенник запихал в щель и назад четверик отнёс. В Пасху пришел Иван Иваныч к богатому купцу в гости. Вот богатой мужик и говорит:

— Иван Иваныч, вы бы женились.

— А что жениться: на бедной не хотца, а богатой не дают.

Богатой и говорит:

— Да, пожалуй, и я бы Машу отдал.

И свадьбу сделали, придано хорошо дал. Иван Иваныч женилса, придано пропил, а Машенька эта жизнью довольна была, жила с им хорошо. Раз приходит Машенька к обедне, поп глядел, глядел да и обзарилса: «А что попросить, не даст ле?»

И дьякон засмотрелса, и дьячок тоже вздумал, и всем захотелось. Обедня отошла, поп Машеньку настиг и говорит:

— А нельзя ли, Машенька, придти с тобой позабавиться?

— А приди.

После попа и дьякон настиг. Она и дьякону то же сказала. А после дьякона и дьячок. Мало — поп и бежит. Машенька за самовар посадила, сидят

разговаривают:

— Ах, кто-то идёт.

— А я куда?

— А поди во двор, на полку сядь.

Поп и сел. Пришел дьякон, Машенька и его к самовару посадила. Сидят чай пьют. Мало — и опять ворота брякнули.

— Ах, кто-то идет!

— А не муж ле?

— А я куда?

— А поди во двор, на полку сядь.

Дьякон на полку заскочил: сидит поп.

— Ты, поп, почто здесь?

— А так. А ты почто?

— А и я так.

Пришел дьячок, сели чай пить, и опять ворота брякнули, Иван Иванович сам идёт. Она и дьячка на полку посадила. Иван Иванович и говорит:

— Эх, Машенька, ты сегодня одна сидишь; ты бы от скуки ради пригласила попадью, дьяконицу да дьячиху, вы бы вместех покалякали.

Машенька побежала за матушкой, позвала в гости дьяконицу и дьячиху. Матушка приходит, а Иван Иванович один сидит.

Вот они разговаривают.

— Я ведь, матушка, корову нову купил.

И пошли смотреть, корова попадье понравилась.

— А что, Иван Иванович, продай корову-ту.

— Нет, матушка, продать нельзя, разве <выебать> можно.

— Да и в самом деле, однако у меня попёнок-то старо; а скажу, что деньги отдала.

— Дак что, куда пойдём?

— А куда пойдём, соломы на рундучок постелем.

Постлали и повалились. Поп на полке сидит и говорит:

— Я, робята, скочу.

А те за волосы держат.

— Нет, не скачи, нас выдашь.

Попадья платье тут и замарала и домой ушла. Мало, — идёт дьяконица, а Машеньки всё нет. Опять пошли корову смотреть и так же согласились, как и с попадьею. И с дьячихой то же. Вот назавтре Иван Иванович стаёт, надеват вязочку на рога и ведёт корову попадью. Приводит, попадья стречат:

— А, Иван Иванович, заводи в хлев.

— Нет, заводить нельзя.

— А почему?

— Надо с вас расписку взять, что у меня корова не продана, а <ебана>.

— Что ты, убирайся ты и с коровой.

— Нет, я ведь не поп, вертеть душой не хочу.

— На ты, возьми ради Христа, сто рублей, только веди корову домой.

И к дьяконице привёл, и с ей сто рублей взял, и с дьячихи сто рублей. Тем и кончилось.

(Зап. летом 1907 г. от И. Н. Маркова, 51 г., на Летнем берегу Белого моря в Архангельской губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.